

Ольга Костюкевич

Особенности функционирования производных имен существительных в художественном тексте

Studia Rossica Posnaniensia 31, 129-133

2003

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

SPECIFICS OF FUNCTIONING OF NOUN DERIVATIVES IN THE ARTISTIC TEXT

ОЛЬГА КОСТЮКЕВИЧ

ABSTRACT. In the article the features of functioning of derivative names of nouns in the artistic text on the material of works by V. Makanin and V. Tokareva are considered. The research reveals the author's usage of the substantial part of a word and its material embodiment.

Ольга Костюкевич, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Объективно существующая языковая система не только удовлетворяет потребности выражения, но и порождает трудности на пути к выражению нетривиального содержания. Мотивом образования новых слов обычно является необходимость лексически выразить мыслительное содержание, ранее не объективированное в слове или объективированное не в полном соответствии с замыслом автора.

В данной работе мы обращаемся к творчеству В. Маканина и В. Токаревой. На материале их произведений мы исследуем характер употребления производных имен существительных, выявляем авторское использование содержательной стороны слова и ее материального воплощения.

При анализе коммуникативных ситуаций употребления производных имен существительных в текстах Маканина и Токаревой мы выделяем:

1) этимологическую регенерацию узуальных производных имен существительных:

Автор в тексте восстанавливает исторические словообразовательные отношения и актуализирует утраченное значение производного, предлагая свою мотивировку узуальному слову:

...а когда вернулись в избу, когда маленький Ключарев уже напрочь остыл и с ленцой даже спросил: „Чего, бабка, так ругалась?“ – она [бабка Матрена] ответила: не твоего ума дело. Снисходя, все же пояснила: не обращай, мол, внимания, ненаглядный, деревенские бабы, мол, любому случаю рады, чтобы поговорить, – скучна у нас жизнь, *работа* да снова *работа*, а *работа* от слова „*раб*“, – знал ты, ненаглядный, про это? (В. Маканин, *Голубое и красное*)¹.

¹ Здесь и далее приводятся цитаты по книгам: В.С. М а к а н и н, *Избранное*, Москва 1987; В.С. Т о к а р е в а, *Летающие качели*, Москва 1987.

Проследив этимологию слова *раб*, среди однокоренных слов мы находим слово *работа*, которое в древнерусском языке имело значение 'рабство, неволя, плен, труд' и в современном языке частично его утратило². Однако утраченную часть можно проследить в современном значении слова *раб*. Этим словом автор подчеркивает зависимость, подчиненность жизни деревенских жителей работе;

2) использование производных существительных, с авторской трактовкой семантики слов:

Можно, конечно, было плюнуть и уйти, но его не пускало *тщеславие*. Мало ли чего не терпят люди во имя *тщеславия*? *Тщетной славы*. Это только потом, с возрастом, начинаешь понимать *тщету*. А в пятнадцать лет за *славу* можно отдать все – и здоровье и честь. И даже жизнь (В. Токарева, *Ни сыну, ни жене, ни брату*).

В этом примере можно отметить окказиональное обновление слова путем его деидиоматизации – восстановления внутренней формы, которая, однако, осмысливается автором индивидуально. В результате исторических изменений производное существительное *тщеславие* 'высокомерное стремление к славе, к почитанию' частично утратило семантические связи с прилагательным *тщетный* '1) напрасный, бесполезный, пустой; 2) суетный, относящийся к земному, бренному, преходящему', и в современной словообразовательной системе они находятся в разных словообразовательных гнездах. Посредством контекста автор ведет нас по пути исторического образования производного *тщеславие* и, восстанавливая семантические связи корневых морфем, входящих в его состав, выражает свое отношение к предмету высказывания.

Посредством контаминации созвучных слов и их значений автор добивается своеобразной „словопроизводственной игры”, в результате которой узуальное производное существительное расширяет свою семантическую структуру, приобретает стилистическую выделенность:

Он как бы отвечал за всех и умел думать не только о настоящем моменте, но и о том, что будет *после*. Я никогда не думаю о *последствиях*, и это всегда мне мстит (В. Токарева, *Ехал грека*).

– Мне не хочется. И я не *могу*. – А вы не знаете: *можете* вы или нет. Человек не знает своих *возможностей* (В. Токарева, *Центровка*).

Производное существительное *возможность* исторически однокоренное глаголу *мочь*, хотя в современном русском языке образовано от прилагатель-

² Здесь и далее этимология слов дается согласно: *Этимологическому словарю русского языка* А.Г. Преображенского (А.Г. П р е о б р а ж е н с к и й, *Этимологический словарь русского языка в 2-х тт.*, Москва 1959), исторические и современные значения слов даются согласно *Толковому словарю живого великорусского языка* В. Даля (В. Д а л ь, *Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт.*, Москва 1981) и *Словарю русского языка в 4-х тт.*, под ред. А.П. Евгеньевой, Москва 1959.

ного *возможный*. Их семантические связи в настоящее время остаются „прозрачными” (значение слова *мочь* – ‘иметь возможность’), поэтому для читателя – не специалиста в области языкознания – они, скорее всего, будут восприниматься как однокоренные слова в современном языке;

3) семантическое столкновение исторически однокоренных слов:

Нельзя же все время плыть. Надо и отдыхать. Его величество *Покой* – тоже часть Порядка. Или Порядок часть *Покоя*. Не *успокоения*, а именно *Покоя*, в котором можно сосредоточиться и набраться сил и мыслей для своего Дела” (В. Токарева, *Лошади с крыльями*).

Автор для уточнения смысла, которое он вкладывает в слово *покой*, сравнивает его со словом *успокоение* (исторически однокоренным и сохранившим основную смысловую общность с существительным *покой*). Значение производного существительного *успокоение* подается „от противоположного”: дается мотивировка словом *покой*, стоящим в постпозиции, и сообщается характерный признак *покоя*, который и отличает его от *успокоения*, т. е. *успокоение* – это *покой* + отсутствие того, что характеризуется как „можно сосредоточиться и набраться сил и мыслей для своего Дела”.

А Егор Игнатъев вдруг ни с того ни с сего взбежал на гору, нарвал каких-то мелких цветов и стал заставлять всех нюхать. [...] И почему-то казалось, что он за собой туда взбежал, на эту гору. И букетик – это его *существо*, вернее – *неосуществление*. Его непознанная душа, нераскрывшийся талант, вернее – не туда раскрывшийся (В. Токарева, *Лошади с крыльями*).

В данном примере производное существительное *неосуществление* мотивируется также производным, но находящимся в другом словообразовательном гнезде существительным *существо*. Оба слова восходят к церк.-слав. *осуществовати* ‘вызывать в сущность, приводить в существо, в жизнь, в бытие’. Посредством семантического столкновения исторически однокоренных слов писатель акцентирует внимание на незавершенности, нераскрытости существа героя.

Недалековидность товарища и даже его корысть можно простить, но не *отворот* судьбы – тот *поворот*, когда судьба почему-то *отвернулась* (В. Маканин, *Человек свиты*).

В современном русском языке слово *отворот* утратило значение, необходимое автору, и смысл слова *поворот* в часто употребляемом выражении „поворот судьбы” также, по-видимому, не удовлетворил писателя. Поэтому он „воссоздал” производное *отворот*, объяснив его значение посредством однокоренного ему существительного *поворот* ‘изменение направления в развитии чего-л.’ и исторически однокоренного, но в современном языке находящегося в другом словообразовательном гнезде глагола *отвернуться*, употребленного в значении ‘порвать отношения’ (все три слова восходят к др.-рус. *вѣртѣти*, *воротити* и имеют общий и.-е. корень *vert-);

4) окказиональное использование узуального производного для соотношения с новым мотивирующим:

Семья собирается за обедом, перетирает зубами витамины, белки и углеводы. А она [Наташа] сидит и смотрит и испытывает почти счастье. Жизненный процесс обеспечен, и не только обеспечен, а выдержан эстетически. Грамотная еда, на красивых тарелках, на чистой скатерти. Его высочество *Порядок*. *Порядку* служат. Ему поклоняются. [...] *Наташа* – жертва *Порядочности*... (В. Токарева, *Лошади с крыльями*).

В данном случае существительное *порядочность* с суффиксом *-ость*, имеющим значение отвлеченного признака, входит в словообразовательную цепочку *порядок* > (*порядочный*) *порядочность*. По сути, в данном контексте более оправдана была бы (с семантической точки зрения) цепочка *порядок* > (*порядковый*) > *порядковость*. Посредством контаминации семантики исторически однокоренных слов (*порядочный* ‘честный, соответствующий принятым правилам поведения’, *порядок* ‘правильное, налаженное состояние, расположение чего-н.’) писатель показывает, что для героини его рассказа порядок вошел в ранг правила, нормы. Омонимия слов *порядочность* в общепринятом значении и контекстуальном используется как средство создания дуплановости. Можно предположить, что, с авторской точки зрения, слово *порядочность* семантически более емкое, чем *порядковость*;

5) использование непроеизводных имен существительных с актуализированной и по-своему раскрытой автором внутренней формой. Писатель в тексте дает свою мотивировку и устанавливает новые семантические связи слов:

Отдушина – это *отдушина*, и никак не меньше; это, пожалуй, индивидуально и избирательно, и не всякая женщина годится в *отдушины*, как не всякая женщина годится в жены. А уж если тянет к стихам, не такое уж оно мелкое чувство, не прихоть и не блажь; тут своя боль, *отдушина* как-никак от слова „душа”... (В. Маканин, *Отдушина*).

Современное слово *отдушина* непроеизводное. Его значения: 1) ‘отверстие для выхода воздуха, дыма, пара’, 2) *перен.* ‘то, что дает выход каким-л. сдерживаемым чувствам, стремлениям и т. п.’. Второе, переносное значение ассоциативно соотносится со словом *душа*. Можно обосновать выбор писателем мотивирующего *душа* для существительного *отдушина*, обратившись к истории. Оба слова восходят к ст.-слав. *дохъ*, *въздоухъ*, которые, в свою очередь, имеют общий и.-е. корень *dheu- ‘дуть’.

Еще один случай актуализации внутренней формы – столкновение сходных по звучанию слов в сочетании с контаминацией их семантики:

Я уверена: когда Чайковский писал тему любви, четвертый такт, что-то *смялось* в его душе, он не мог продыхнуть. Я тоже в том месте не могу продыхнуть и погружаю свое *смятение* в средний регистр (В. Токарева, *Парака*).

В непроеизводном в современном русском языке существительном *смятение* заложена дуплановость семантики: ‘сильное волнение, возбуждение, вы-

званные борьбой противоречивых чувств' и (перен.) 'надлом душевных сил'. Автор как бы переносит часть значения глагола *смять* – 1) 'давлением лишать ровности', 2) 'сжимать' – на существительное *смятение*, делая глагол производящим для последнего: то, что смяло, сдавило душу Чайковского, передалось героине рассказа; она погрузилась в те чувства, которые испытывал Чайковский при написании своего произведения.

Он полулежал на стуле в своем кабинете, вытянув ноги, и думал о том, что *депрессия* происходит от слова *пресс*. Тяжелый *пресс* давит на нервы, и они отказываются реагировать на любые раздражители: приятные – вроде встречи с сотрудниками. И неприятные – вроде голода (В. Токарева, *Старая собака*).

В русском языке существительное *депрессия* не является производным, хотя с точки зрения происхождения мотивация словом *пресс* совершенно логична. *Депрессия* и *пресс* – заимствования из латинского языка однокоренных слов: *depressio* – 'подавление, угнетение', *pressus* – 'давление'.

Мы описали возможности окказионального использования существительных. Все выделяемые нами группы не характеризуют способы их употребления в „чистом” виде, а сочетают в себе различные приемы.

Как показали исследования, ряд дериватов приобретает идиоматичность в тексте, обрастая теми приращениями смысла, которые содержит контекст мотивирующего слова. Кроме опосредованного выявления семантических связей слов, частым случаем является их непосредственное отражение в тексте, когда автор дает собственную мотивировку производному слову.

Производное слово дает возможность автору вовлекать в текст другие языковые единицы с той же языковой структурой и выстраивать на соотносительности или противопоставленности этих элементов новые смысловые отношения, что усиливает семантическую насыщенность текста. Посредством собственной мотивировки производных имен существительных автор стремится обратить внимание на их значение, точнее выразить свою мысль, дать свою оценку предмету высказывания. Использование омонимии, деривации по способу контаминации ведет к повышенной экспрессивности слова, создает своеобразную словесную игру в тексте.